

Гравюра Ж. Делабарта. 1799. Пашков дом в Москве.

Сегодня Пушкину 198 лет. Через два года россияне отметят двухсотлетие со дня рождения поэта. Все чаще вспоминаются слова Николая Васильевича Гоголя о том, что "Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет..."

Высказанное еще в 1840 году предвидение в свете современной жизни производит странное впечатление и звучит диссонансом практически по отношению ко всем реалиям российской жизни конца нашего века. Скоро 1999 год — двухсотлетний юбилей поэта. **Что молвил бы Николай Васильевич сегодня**, когда увидел бы одни "мерседесы" взамен столь милых его сердцу пролеток, возков, а в "мерседесах" все сплошь Чичиковы да Хлестаковы... Таким образом, ничуть не умаляя образ поэта, его мировую значимость для России, можно задуматься **об изменениях**, которые претерпевала посмертная жизнь Александра Сергеевича в различные периоды русской, советской и нынешней жизни.

советской жизни, так сказать, светочем в масштабах СССР.

Мне самому пришлось неоднократно участвовать в различных пушкинских торжествах — в крымском Гурзуфе, в подмосковном Захарове, проезжать по тверским адресам Пушкина и т.д. "Веселое имя Пушкин" — вспомнил слова А.Блока — было заложено в фундамент отношений народов советских республик. Это вполне соответствовало **имперскому характеру** пушкинского мировоззрения. А в этом мировоззрении сомневаться трудно. Достаточно вспомнить его "Памятник".

Однако советская власть заставила себя уважать — и лучше выдумать не могла. Советский Союз дал дуба — и с естественной закономерностью пошатнулись **все** ценности, созданные советским образом жизни.

Революции сметают все без остатка, как подметил философ общества социолог Питирим Сорокин, прежде чем поставить разрушенное на службу очередному строю. Этот процесс уничтожения старых ценностей, уже советских пережитков прошлого, коснулся самого вдохновенного

ПУШКИН В ЗЕРКАЛЕ ИМПЕРИИ, или Три жизни поэта

Полагаю, что многим помнится формула "Пушкин — это наше всё", с опохмелочной страстью высказанная Аполлоном Григорьевым. Это действительно было так для дореволюционной интеллигенции. Для нее в Пушкине как бы сошлись высочайшие проявления творческого духа россиян. Пушкинские торжества 1880 года поистине стали праздником духовной жизни России. Империя отдавала день своему сыну. Это были первые десятилетия посмертной жизни поэта. Примечательно, что, если в "старое" время отмечались **дни рождения** поэта, в советское начали широчайшим образом отмечать **годовщины со дня его смерти**.

Эти "празднования" как бы бросали упрек многочисленным агентам мирового капитала, прочим тайным и явным масонам. К числу последних, впрочем, относились как Дантес, так и сам Пушкин. Не будем останавливаться на мелочах. Главное, что столетие со дня смерти **великого сына империи** было отпраздновано большевиками с необыкновенной помпой.

Все это сопровождалось взлетом отечественной пушкинистики. Одни только "Пушкин в жизни" и "Спутники Пушкина", составленные Вересаевым, дорогого стоят! А огромный однотомник художественных произведений поэта, нынче воспроизведенный репринтно?! А юбилейный десятилетник 1937 года — десять огромных томов на толстой бумаге "верже" в переплетах под кожу цвета слоновой кости с тисненным медальоном — профилем гения посередине! Конечно, совпадение вполне символичное, и все-таки **смертные юбилеи** были милее и созвучнее советским вождям. Ситуация в стране складывалась вполне в духе театра абсурда и готического романа с вампирами — в тайных канцеляриях льется кровь, уже почти подготовлено уничтожение Осипа Мандельштама — крупнейшего поэта страны, двадцать миллионов экзков в фирменных ватниках строят социализм и валят лес, из которого будет сделана бумага юбилейных пушкинских изданий. Так или иначе, сегодня десятилетник такого качества никто не издаст, а в 1999 году тем более... Сталинский режим, скрывая клыки и когти под гипсовой посмертной маской поэта, все же сумел оставить имя Пушкина светлым явлением своей хитрой государственности.

Очередная реанимация Пушкина происходила в несколько ином социально-политическом контексте. Это было продолжение советской посмертной жизни поэта, но уже в шестидесятые—восьмидесятые годы. На этот раз Пушкин в купе с декабристами выдвигался "племенем пушкинovedов" — шестидесятников как знак своеобразной оппозиции режиму. На первый план выдвигалось "свободолюбие" поэта, его готовность шагнуть с шеренгой декабристов "прямо в светлое будущее". Прямо-таки не Пушкин, а Маяковский какой-то... **Государственник Пушкин** предстал как бы антигосударственником, и тайная ненависть к Бенкендорфу и иже с ним давалась как бы аналогией к современным нам деятелям тайных канцелярий и прочих институтов "совка".

Причем напрочь отменялись "отрицательные" черты реального Пушкина — его готовность служить самодержавию, его преданность монархии и империи, его, в конечном счете, конформистские отношения с властью. Иными словами, неоднозначность гения. Шестидесятники на все это закрывали глаза. А ведь Пушкин все же был скорее готов служить, чем конфликтовать. Но тайно это тоже привлекало к нему его советских апологетов, готовых служить, но словно бы и не служить...

Итак, сталинизм ли, застойные годы тому виной, но Пушкин стал незлыблемой ценностью

певца России. И в самом деле, когда на "холмах Грузии лежит" не ночная мгла, а ночные засады то ли грузинских, то ли абхазских боевиков, подкрепленных наемниками, русской армией и ооновскими наблюдателями, когда "окно в Европу", столь кроважидно прорубаемое Петром, прикрылось на протяжении почти всего Балтийского побережья, о финнах я даже не говорю — слух о Пушкине не доходит до них с начала двадцатых годов, а "друг степей калмык" ныне скупает на доллары весь верховный совет своего суверенного аула (здесь я прерываю бесконечную цепь ассоциаций!), полностью меняется модель отношений современного мира с фигурой Пушкина. Это проблема не творческая, а какая хотите — политическая, экономическая, социальная!

Пушкин как явление оказался в невиданном и непредсказуемом для него мире. Он не мог предвидеть подобной ситуации. Да, окопы па! Но что из этого вышло?

Неуклонно приближается намеченная Гоголем дата преображения русского человека в *некоего вселенского Пушкина*. По России летят "мерседесы". По ним ведут прицельный огонь наемные киллеры в черных масках. Самое традиционное в полете этих лимузинов к неминуемой гибели — это то, что летят они по **плохим дорогам**. Здесь все осталось по-прежнему. Только это не изменилось в ценностных отношениях Пушкина с сегодняшней российской действительностью. Здесь поэт оказался вечным провидцем и пророком. Судьба же самого Пушкина в сегодняшней российской действительности тоже непредсказуема. Останется ли он **"наше всё"** или захлебнется в океанах переводной *дешевки*, захлебнувшейся мозги сограждан. Не пишу "уважаемых" — они сами давно перестали себя уважать. Возможно, последнее тоже связано с отходом от Пушкина. Да и жизнь дается тяжело.

Итак, какая судьба ждет поэта после его бессмертного существования в двух великих империях — сначала российской, а потом советской! Несомненно, он уйдет, если уже не ушел, из республик, где русский язык не является государственным. Его не будут учить наизусть в Молдавии. Или на Украине. Я даже не говорю о Средней Азии или Кавказе. Несомненно, его потеснят в малых суверенных образованиях в системе РФ...

Несомненно, Пушкин самоценен, чтобы не сказать — бесценен, но даже он не сможет существовать в безвоздушном пространстве. А создание окружающей среды, современного, что ли, **пушкинства**, полностью разрушенного обнищанием и одичанием нашего юного капитализма, стоит больших денег. Инвестиций, говоря новым языком. Денег взять негде. Денег есть только у собственников. Но частный капитал России предпочитает недвижимость в Австралии и счета в швейцарских банках. По-своему, он тоже прав, этот капитал. Может быть, культурная потребность русской жизни уже *исчерпана насильственным внедрением* ее в советские годы?

И все же сегодня проблема Пушкина в России значительно шире, чем проблема выживания поэзии или даже культуры в целом. Сегодня, как и раньше, эта проблема скорее всего политическая. Независимо ни от чего Пушкин прожил **две посмертные жизни** в сознании огромного народа в двух разных исторических системах.

В постсоветской России начинается его **третья посмертная жизнь**. Будет ли она бессмертной? Горько думать, что державинская "река времён" неумолима. Было бы слишком легко сказать: будет Россия — будет и Пушкин...

Но так ли это?

Ян АВГУСТ.

Московский шошо —
Монет. — 1997. — 6 монет,
— с. 7